

ИЗУЧЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

Область исследования идентичности зародилась в русле общепсихологических социально-психологических исследований личности и получила дальнейшее развитие в психологии межгрупповых отношений. Само понятие идентичности и близкие к нему имеют довольно длительную историю. Более того, тождество личности самой себе — традиционная тема психологии. Еще У. Джемс подчеркивал, что предметом психологии является «чувство личного тождества» (*Джемс*, 1991. С. 105). З. Фрейд дал развернутую интерпретацию проблемы отождествления индивида с определенной группой, связывая это явление с противопоставлением любви к собственной группе и агрессии по отношению к другим группам (*Фрейд*, 1991). Он употреблял и сам термин «идентичность», хотя «...не просто мимоходом, а в очень существенном этническом смысле» - только один раз (*Эриксон*, 1996 б. С. 30)¹. Постепенно понятие идентичности становится популярными в психологии, дополняя, уточняя, а нередко и заменяя собой более традиционные понятия «Я»-концепции, образа «Я», «Self», самости и т. п.

Тем не менее, как отмечает С. Московичи, хотя термины «идентичность» и «идентификация» завоевывали все больший успех у психологов, их суть ускользала от них, и они оказывались перед самой сложной тайной глубинной психологии (*Московичи*, 1996). Связано это, на наш взгляд, с тем, что рассмотрение данного психологического феномена, как и тех, которым он пришел на смену, у многих авторов не выходило за рамки потребностно-мотивационной сферы отдельной личности. И только тогда, когда психологи попытались преодолеть разрыв

между индивидом и группой, индивидом и обществом, концепции идентичности приобрели социально-психологический характер в подлинном смысле слова.

Понятие, хотя и не термин «идентичность», оказалось стержневым в социально-психологической и социально-философской концепции Э. Фромма, работы которого имели в качестве предмета анализ современных особенностей взаимоотношений человека и общества, диалектической взаимосвязи индивидуального и всеобщего в человеческой природе. Личностную идентичность он определяет как осознание человеком себя самого как независимого и отдельного существа. По мнению Фромма, процесс обособления человека от сил природы и от других людей, названный им индивидуализацией, впервые становится возможным лишь на определенном этапе человеческой истории, а именно в Новое время, то есть от эпохи Возрождения и до наших дней (*Фромм, 1998*).

В то же время одна из ведущих человеческих потребностей, которая «...составляет самую сущность человеческого бытия — это потребность связи с окружающим миром», что достигается путем самоотжествления с какими-либо идеями, моральными ценностями, социальными стандартами (*Фромм, 1998, С. 195*), то есть путем формирования социальной идентичности.

Следствием современного торжества социальной идентичности, по мнению Фромма, может оказаться деперсонализация, когда индивид обретает единство с людьми и с миром, заплатив «...полным отказом от индивидуальности и целостности человеческого «я»» (*Там же. С. 291*).

Данный факт объективного столкновения двух противоположных тенденций современного общественного развития стал предметом научной рефлексии и многих других мыслителей. Особого внимания заслуживает концепция психосоциальной идентичности Э. Эриксона, окончательно придавшего данному понятию статус самостоятельной научной категории и полагавшего, что изучение идентичности станет столь же центральным в наше время, как анализ сексуальности во времена З. Фрейда (*Эриксон, 1996 а*). Этот прогноз во многом под.

твердился. С 1950 г., когда появилась книга Эриксона «Детство и общество», число работ, посвященных теме идентичности, неуклонно растет.

Приведем только один пример. Анализ сообщений, представленных на X конгресс Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии (1993), показал, что данная проблематика вышла на первое место по популярности — в 4,91 % тезисов одним из ключевых понятий была «социальная идентичность» (*Vala et al*, 1996). В 1999 г. среди 392 тезисов XII конгресса этой ассоциации, по нашим подсчетам, в заглавии 45 присутствовали термины «идентичность» или «идентификация» (как процесс ее формирования), а в еще большем количестве работ проблема идентичности была одной из центральных (*Social Psychology in Europe*, 1999).

Понятие идентичности является для Эриксона центральным при рассмотрении вопроса о стадиях психосоциального развития и соотносимо, прежде всего, с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я». Наибольшее значение данный процесс имеет для периода отрочества (и наиболее детально анализ идентичности представлен Эриксоном именно на примере этого возрастного периода), однако задача построения идентичности «...никогда не может быть решена окончательно: «Я» не бывает полностью защищено от регрессивных тенденций, как и от событий, их вызывающих - скорби, неудач, ссор» (Цит. по: *Кле*, 1991. С. 135).

Понимая чувство идентичности как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» (*Эриксон*, 1996 б. С. 28), американский психолог задает идентичность как сложное личностное образование, относя его «...в одном случае ...к сознательному чувству уникальности индивида, в другом — к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, а в третьем — к солидаризации с идеалами группы» (*Там же*. С. 218).

В контексте проблематики данного сборника особенно интересно рассмотрение Эриксоном идентичности не только на индивидуальном и личностном, но и на групповом уровне. Идентичность определяется им как тот личностный конструкт, ко-

торый отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я»-категоризации: это те наши характеристики, благодаря которым мы делим мир на похожих и непохожих на себя.

Как отмечает Г. М. Андреева, эти его идеи свидетельствуют о том, что «проблема социальной идентичности становится, по существу, проблемой межгрупповых отношений. ...Идентичность рассматривается как инструмент социальной ориентации личности, результат же этого рассмотрения — построение личностью не просто своего собственного образа, но и образа группы, к которой она принадлежит или не принадлежит. ...Но тогда очевидно, что и идентичность личности может сформироваться только в межгрупповом взаимодействии» (Андреева, 2000. С. 189-190).

Еще в самом начале исследований данной проблематики Э. Эриксон задал определенный ракурс в понимании природы социальной идентичности, утверждая, что субъективное значение различных социальных реакций человека тем больше, чем сильнее они включены в общую модель развития, характерную для данной культуры. Он отмечал, что на каждой стадии развития у ребенка должно быть чувство, что его личная, персональная идентичность, отражающая индивидуальный путь в обобщении жизненного опыта, имеет и социальное значение, значима для данной культуры, является достаточно эффективным вариантом и групповой идентичности. Таким образом, для Эриксона личностная и социальная идентичность выступают как некоторое единство, как две неразрывные грани одного процесса — процесса психосоциального развития человека.

Дальнейшее изучение процессов идентификации человека с группой проходило в рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций, для которых характерна несколько иная логика, но исходящих из того, что «идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности» (Бергер, Лукман, 1995. С. 279).

Но своеобразным толчком для них послужили исследования М. Шерифа, предметом которых являлся не процесс

идентификации, а межгрупповые конфликты (*Sherif, 1966*). В его бихевиористской концепции анализируется объективно существующий конфликт интересов за реальные преимущества. Но среди возможных следствий реального межгруппового конфликта Шериф отмечает более полное осознание его участниками своей групповой принадлежности, которое, в свою очередь, повышает уровень их внутригрупповой солидарности в конфликтном взаимодействии и приводит к непроницаемости границ группового членства. Необходимо отметить, что внутренне Шериф близок к современным конструкционистским концепциям идентичности, так как предшествующая конфликту идентичность им не рассматривается, а учитывается некая актуальная групповая принадлежность, запускаемая этим конфликтом, «конструируемая» в момент угрозы.

Классическая теория социальной идентичности А. Тэшфела и Дж. Тернера (британских психологов «Бристольской школы») позволила определить минимальную точку межгруппового конфликта, нулевую отметку — отнесение человеком себя к той, а не иной общности (*Tajfel, 1978; Tajfel, Turner, 1986*). С точки зрения данной концепции, определение человека как «не своего» вполне достаточно для того, чтобы испытать к нему враждебность, а дифференцирующим признаком может быть любое отличие, по которому данного человека можно превзойти.

Одним из основных понятий теории Тэшфела является понятие социальной категоризации: «Самоопределение индивидов в социальном контексте, смысл и значимость их поступков и установок в нем зависят от социальной категоризации. Там, где соответствующая категоризация подразделяет индивидов на социальные группы, поступки в рамках контекста приобретают ясный смысл и значимость межгрупповых отношений» (*Тернер и др., 1994. С. 10*). Иными словами, процесс социальной категоризации — или процесс распределения социальных событий и объектов по группам — необходим человеку для систематизации своего социального опыта и одновременно для ориентации в своем социальном окружении, определения своего конкретного места в обществе.

Понятие социальной категоризации было введено А. Тэшфелом для заявления своей концептуальной позиции при решении вопроса о противоречивости групповых и личностных начал в человеке. В соответствии с этой позицией все отношения между людьми он располагал на континууме, полюса которого составляют межличностные отношения, полностью определяемые индивидуальными характеристиками участников, и межгрупповые отношения между представителями конкретных и ясно различимых групп, полностью обусловленные фактом их группового членства (*Tajfel, 1978*).

Для объяснения возможных вариантов социального поведения личности в рамках данного континуума Тэшфел опирался на когнитивную схему: роль регулятора в этом выполняет «Я»-концепция, включающая в себя две подсистемы — *личностную и социальную идентичность*. Согласно Тэшфелу, это равнозначные структуры, первая из которых представляет самоопределение человека в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт, а вторая - в терминах субъективной принадлежности к различным социальным категориям (полу, этносу, профессиональной группе и т.п.).

Если континуум, предложенный А. Тэшфелом, был в значительной степени умозрительным, то в дальнейшем Дж. Тернер поддержал его эмпирическими данными: «было обнаружено, что минимальная социальная категоризация способна продуцировать все обычные симптомы сформированной психологической группы (ингрупповые пристрастия, взаимную аттракцию, альтруизм и т. д.)» (*Тернер и др., 1994. С.12*).

Реинтерпретируя концепцию Тэшфела и введя гипотезу самостереотипизации, Тернер начал построение «когнитивной» теории самокатегоризации. Хотя социальная самокатегоризация по Тернеру и социальная идентичность по Тэшфелу тесно связаны между собой, на понятийном уровне они имеют существенные отличия (*Turner et al., 1987*). Если Тэшфел рассматривает социальную идентичность как «связанность» человека с группой, то Тернера и его коллег интересует, прежде всего, то, что «социальная идентичность включает в себя социальную категоризацию самого себя, что и вызывает групповые явле-

ния» (Тернер и др., 1994. С.12). Социальная идентичность - это не личностная идентичность, отраженная в зеркале социального взаимодействия, а субъективная коллективная идентичность, которая включает «Других», интерпретируемых как члены своей группы (Turner, Onorato, 1999).

Социальная самокатегоризация есть «...когнитивное обозначение себя как идентичного некоторому классу явлений в противоположность другому их классу» (Там же. Р. 13) и на эмпирическом уровне изучается как восприятие индивидом сходства с представителями своей группы (Verkuyten et al., 1999).

В своей гипотезе Тернер отметил наличие *реципрокной взаимозависимости* между двумя подсистемами «Я»-концепции. А именно — актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации, снижая количество ролевых, стереотипных самопроявлений и, наоборот, актуализация групповой идентичности тормозит установки и поведение, порождаемые личностным уровнем самокатегоризации, и ведет к *деперсонализации*. Полностью согласен с позицией Тернера и В.С. Агеев, полагая, что «...личностные и групповые начала действительно находятся в обратных и даже реципрокных отношениях друг к другу» (Агеев, 1990. С. 211). В. Н. Павленко и Н. Н. Корж, изучая трансформации социальной идентичности в посттоталитарном обществе, высказывают предположение, что снижение социальной идентичности в нем будет сопровождаться гиперперсонализацией (Павленко, Корж. 1998).

Однако далеко не все авторы — даже в европейской когнитивистски ориентированной социальной психологии — согласны с позицией Тернера. Нам значительно ближе идея о комплементарности между личностной и социальной идентичностью Ж.-К. Дешама, которому результаты ряда эмпирических исследований позволили рассматривать возможность их рядоположенности (Deschamps, 1984; см. также Massonat, Boukarroum, 1999). В частности, в одном из экспериментов была подтверждена гипотеза, согласно которой при подчеркивании различий между «Я» и «Другими» внутри группы (иными словами, в ситуации персонализации) одновременно

возрастает и дифференциация между группами (*Deschamps, Devos, 1998*). Предлагая ковариативную концепцию идентичности, Ж.-К. Дешам и Т. Дево подчеркивают, что «...социальная идентичность и личностная идентичность не должны больше рассматриваться как два полюса одного континуума, находящиеся в обратной зависимости друг от друга. Эти элементы скорее должны рассматриваться как два не связанных между собой (*disconnected*) измерения, которые могут быть представлены как в некотором роде ортогональные» (Там же. Р. 11). При этом швейцарские исследователи отнюдь не исключают того, что при некоторых условиях — в тех или иных обстоятельствах, культурах и обществах — социальная и личностная идентичности находятся в оппозиции друг к другу².

Впрочем, на наш взгляд, излишне категоричным выглядит и утверждение, что «...по Тернеру, социальный и личностный уровни самокатегоризации антагонистичны» (*Павленко, Корж, 1998. С. 85*). Тернер и его последователи особо подчеркивают, что индивидуальность, выражающаяся в личностной идентичности, не является несовместимой с их межгрупповой моделью самокатегоризации (*Turner, Onorato, 1999*). Если Х. Маркус утверждает, что личностный компонент всегда является ядром «Я»-концепции индивида благодаря своей постоянной выпуклости (*Markus, 1977*), а Н. М. Лебедева считает, что в ситуации социальной нестабильности «...именно личностная идентичность (как более устойчивая категория в условиях глобального социального переустройства) является ведущей и направляющей частью самоконцепции и определяет выбор и глубину собственной идентификации в изменившейся системе социальных категорий» (*Лебедева, 1999. С. 53*), то результаты многочисленных эмпирических исследований позволяют Дж. Тернеру убедительно доказывать, что индивидуальность есть динамический, зависимый от контекста компонент «Я», а не его фиксированный субстрат (*Turner, Onorato, 1999*).

Категоризация себя как человеческого существа может доминировать лишь в ситуациях внутригруппового взаимодействия, а в ситуациях межгруппового взаимодействия превалирует социальная самокатегоризация, которая и деперсонали-

зирует восприятие в терминах групповых прототипов и трансформирует основания для межличностных предпочтений из индивидуально-личностных в прототипические. Таким образом, в теории Тернера, как и в теории Тэшфела, личностные и социальные компоненты идентичности являются частью одного целого — «Я»-концепции, и в этом смысле преобладание тех или иных из них не хорошо и не плохо. Различие лишь в актуализации того или иного уровня абстрагирования при самокатегоризации.

Заметим, что и термин «деперсонализация» не несет в концепции Тернера никакой негативной нагрузки — он только отражает процессы, посредством которых мышление, восприятие и поведение индивида регулируются групповыми стандартами (групповыми нормами, стереотипами, прототипами) в большей степени, чем индивидуальными, личными стандартами (*Turner et al.*, 1987).

Для Тэшфела и Тернера одним из центральных выступает вопрос о закономерностях поддержания человеком *позитивной социальной идентичности*. С этой точки зрения, теория социальной идентичности является не только когнитивистской, но и мотивационной, так как рассматривает межгрупповую дискриминацию, т. е. установление межгрупповых различий, позитивно валентных в пользу собственной группы, как проявление присущей человеку потребностей в позитивном самоотношении или самоуважении.

Надо сказать, что в базовых концепциях «Бристольской школы» имеются указания на возможность существования как позитивной, так и негативной социальной идентичности. Однако, по мнению Тэшфела и Тернера, любому человеку свойственно стремление к положительному образу себя. Поэтому одной из основных закономерностей в динамике социальной идентичности является стремление человека к достижению или сохранению позитивной социальной идентичности, а социальная группа понимается им как своего рода ниша, обеспечивающая определенный уровень комфортного существования (*Tajfel, Turner*, 1986).

Как отмечают сами Тэшфел и Тернер, а также их последователи, основным процессом, «запускающим» актуализацию и развитие социальной идентичности, является процесс межгрупповой дифференциации или оценочного сравнения. При этом важно, как отмечает Тернер, что, *во-первых*, сравнение идет с похожими, близкими, релевантными группами. *Во-вторых*, в данном процессе сравнения задействованы не все параметры групп, а лишь ценностно-значимые качества и характеристики. В итоге позитивная социальная идентичность оказывается основанной на положительных, благоприятных, имеющих социальную значимость для субъекта сравнения отличиях своей группы от другой (*Turner et al., 1987*).

В том же случае, когда индивид оказывается включенным в низкостатусную группу, он использует различные стратегии, направленные на сохранение или достижение позитивной социальной идентичности. Таковы, прежде всего: 1) *индивидуальная мобильность*, которая включает все виды попыток члена низкостатусной группы покинуть ее и присоединиться к высокостатусной; 2) *социальное творчество*, которое заключается в переоценке самих критериев, по которым проводится сравнение; 3) *социальная конкуренция* как прямое приписывание желательных характеристик своей группе и противопоставление их группе сравнения (*Blanz et al., 1998; Tajfel, Turner, 1986*).

Теории Тэшфела и Тернера являются самыми признанными на сегодняшний день концепциями, отражающими социально-психологический уровень исследования социальной идентичности. Но при всех своих достоинствах они оставляют без ответа некоторые вопросы, не получившие систематического эмпирического подтверждения.

В частности, не получили явной эмпирической поддержки фундаментальные утверждения теории социальной идентичности: 1) об универсальности потребности в позитивной социальной идентичности и, в конечном счете, в позитивном самоотношении; 2) о связи между четкой идентификацией с группой и предвзятостью по отношению к другим группам.

Так, Р. Лухтанен и Дж. Крокер установили, что переменной, связанной с межгрупповой дискриминацией, является лишь коллективное, а не личностное самоотношение: дискриминирующую предвзятость в ситуациях, угрожающих какой-либо социальной идентичности, демонстрируют индивиды с позитивным коллективным самоотношением (*Luhtanen, Crocker, 1992*). Д. Эйбрамз показал опосредующую роль личностного самосознания и четкой идентификации с группой: более четкая регуляция поведения социальной идентичностью была обнаружена у индивидов с высоким персональным самосознанием и прочной идентификацией с группой (*Abrams, 1992*).

Результаты польско-голландского исследования позволили его авторам утверждать, что в определенном социальном контексте даже при неблагоприятном межгрупповом сравнении потребность в утверждении «особости» своей группы по отношению к релевантным ей группам превосходит потребность в поддержании позитивной групповой идентичности. Так, в основе автостереотипа польских студентов лежали негативно оцениваемые черты. Иными словами, они продемонстрировали высокий уровень интенсивности негативной этнической идентичности, но при этом всемерно подчеркивали свою культурную отличительность (*Mlicki, Ellemers, 1996*).

Показательно, что к аналогичным результатам пришли и авторы, работающие на личностном уровне психологического анализа. В последние годы эмпирические исследования, посвященные вопросам самоотношения в условиях социального сравнения, делают сильный акцент на процессы самоверификации, причем тенденции к подтверждению и позитивных, и негативных взглядов на себя отмечаются как равноправные. Данные, полученные в результате как лабораторных, так и полевых исследований показывают, что люди преимущественно выбирают именно тех партнеров по взаимодействию, которые подтверждают их представления о себе, даже в том случае, когда эти представления негативны (*Swann, 1990*).

В теории социальной идентичности остается без ответа и вопрос о том, как она формируется. Тэшфел, Тернер и их последователи исходят из того, что социальная идентичность

есть первоначальная данность, полагая, что «...сам факт членства в группе (или, по их терминологии, в «категории») делает эту идентичность автоматической» (Агеев, 1990. С. 34). Но в результате чего и как индивид осознает значимость этого членства, остается неясным.

Больше внимания этому вопросу уделяется в рамках теории социальных представлений С. Московичи. Центральным понятием для данной теории явилось понятие социального представления как такой когнитивной структуры, посредством которой общественные отношения воплощаются в индивидуальное сознание. Неудивителен интерес представителей данного направления к проблеме социальной идентичности.

В фокусе внимания М. Заваллони находится вопрос о преобразовании социокультурных идентичностей (в том числе и этнической) в чувство внутренней идентичности. Канадская исследовательница эмпирически изучает проблему тесной взаимосвязи интрапсихических и социально-психологических процессов при формировании идентичности и выделяет три ее механизма: 1) эгоморфизма (представления о своей групповой принадлежности имеют эгоморфичную структуру, т. е. то, что считается хорошим в окружающем мире, относится к «Я»); 2) групповой «перезаписи» (*group recoding*) — в ситуации оценивания происходит имплицитное преобразование абстрактной группы принадлежности в конкретную подгруппу, наиболее значимую в индивидуальной жизни; 3) прототипов идентичности, которыми выступают отдельные личности или «культурные герои», олицетворяющие эти подгруппы (*Zavalloni, 1983*).

Нам представляется, что несомненная заслуга Заваллони состоит в том, что формирование социальной идентичности она анализирует не только на межгрупповом, но и на внутригрупповом уровне, с точки зрения дифференциации «Я» — «Другой». В частности, в эмпирических исследованиях она выявила, что четкая идентификация с группой не исключает для индивида дифференциации между собой и другими членами группы, а ситуации, при которых групповое членство становится выпуклым, не обязательно приводят к процессу «внутригрупповой ассимиляции».

Рассмотрение сравнения «Я» — «Другие» в конкретном социальном контексте продолжила итальянская последовательница М. Заваллони К. Серино, что привело ее к заключению о тесной взаимосвязи индивидуальной и групповых идентичностей, о взаимозависимом процессе их формирования: «а) даже личностная идентичность определена социально, зависит от места индивидов и групп в данной социальной иерархии; б) даже категориальная информация может обрабатываться «персонализированным» образом» (*Serino*, 1998. P. 41).

Теоретическая модель представителя отечественной теории совместной деятельности В. С. Агеева предполагает, что процесс идентификации индивида с группой — зависимая величина, определяемая структурой групповой деятельности, а процесс социальной категоризации «запускается» не автоматически, он является лишь опосредующим звеном влияния объективных социальных условий на поведение индивида (*Агеев*, 1990). В качестве самого существенного из этих факторов Агеев выделяет цели и ценности межгруппового взаимодействия. Очень важную роль, по его мнению, играют также критерии внешней оценки межгруппового взаимодействия, степень зависимости индивида от группы, а также успех или неудача группы в межгрупповом взаимодействии (*Агеев*, 1989).

Кроме того, Агеев подчеркивает, что «...и интегративные, и дифференциальные процессы необходимы для выделения группы в некоторую отличимую от социального окружения целостность и для дальнейшего существования и развития группы в системе социальных связей и отношений» (*Агеев*, 1989. С.16). Поэтому наряду с отмечаемыми многими авторами дифференцирующими межгрупповыми процессами, ответственными за создание социальной идентичности и аутентичности группы, он выделяет межгрупповые феномены интегративного типа, призванные предохранять группу от изоляции и самоизоляции и обеспечивать все богатство связей с другими группами: 1) групповую аффилиацию — стремление быть составной частью и чувствовать свою принадлежность к более широкой общности; 2) открытость группы межгрупповому взаимодействию, степень которой характеризует меру ее соци-

альной контактности; 3) межгрупповую референтность — потребность в обращении к значимой внешней группе, которая выступает либо как носитель определенных ценностей и норм, либо осуществляет роль «зеркала» (Агеев, Сыродеева, 1987).

Представление о структуре идентичности— как об имеющей две основные составляющие — личностную и социальную — присутствует в большинстве работ, посвященных данной проблеме. Наряду с этим можно встретить более дробную детализацию, в основном касающуюся социальной ее составляющей и имеющую в качестве основания для своего выделения те или иные виды социализации. Так, речь может идти о формировании полоролевой, профессиональной, этнической, религиозной идентичностей личности.

Тем не менее исследователи часто не выстраивают иерархических отношений между составными частями социальной идентичности. Тэшфел предполагал, что различия существуют между категориями, к которым индивид «приписан» и к которым он принадлежит, а два понятия представляют собой «...начало и конец длительного социально-психологического процесса» (Tajfel, 1981. P. 280). Однако это предположение не получило развития в его концепции.

Тернер настаивает на уровневом строении «Я»-концепции. Процесс самокатегоризации, результатом которого и является «Я»-концепция, по его мнению, может идти на трех иерархизированных уровнях: 1) высшем, состоящем в категоризации себя как человеческого существа; 2) среднем, состоящем в категоризации себя как члена социальной группы (т. е. на уровне социальной идентичности); 3) низшем, состоящем в личностной самокатегоризации (т. е. на уровне личностной идентичности) (Turner, 1985). Однако он не детализирует средний уровень самокатегоризации.

Представления об иерархичности социальной идентичности и о наличии особенностей, присущих составляющим ее элементам, нашло свое более конкретное воплощение в работах других авторов. Например, Р. Браун с соавторами предполагают, что социальные идентичности различаются с точки

зрения двух измерений: степени коллективности и степени автономности (*Brown et al.*, 1992). Результаты исследований К. До с коллегами оставили мало сомнений в гетерогенности социальных идентичностей. Так, американские исследователи различают: 1) идентичности, основанные на личностных связях (мать, сын, дядя и т. п.), и все остальные; 2) идентичности, приобретаемые в детстве и в дальнейшей жизни; 3) аскриптивные и достигаемые идентичности; 4) идентичности более коллективные и более индивидуальные по своей природе; 5) идентичности активные и пассивные. Полученные данные позволяют До с соавторами прийти к вполне логичному выводу, что все идентичности имеют свои особенности и эти различия приводят к важным последствиям, в частности, замена одной идентичности на другую возможна только в случае, когда обе имеют сходство по какому-либо измерению (*Deaux et al.*, 1995).

Указание на иерархичное построение социальной идентичности можно найти и в отечественных работах, например в работах В. А. Ядова (*Ядов*, 1993, 1995). Однако таких работ все еще очень немного, и вопрос о взаимовлиянии различных социальных идентичностей, на наш взгляд, остается недостаточно изученным.

Предпринимаются и попытки выделить особенности, присущие отдельным составляющим социальной идентичности, в частности этнической идентичности. Так, американский этнолог Ж. Девос рассматривает этническую идентичность как форму идентичности, воплощенную в культурной традиции и обращенную в прошлое в отличие от других форм, ориентированных на настоящее или будущее (*De Vos*, 1975). Можно согласиться с Г. У. Солдатовой, что еще одной особенностью этнической идентичности является мифологичность, так как «ее главная опора — идея или миф об общих культуре, происхождении, истории» (*Солдатова*, 1998. С. 48).

Впрочем, для того чтобы научные концепции не уподоблялись религиозноподобным идеям об «этническом», свойственным обыденному сознанию (*Чешко*, 1994), следует иметь в виду, что нет ни одной особенности этнической идентичности, которая не была бы присуща еще какой-либо составляющей соци-

альной идентичности Например, на наш взгляд излишне категоричным выглядит утверждение В. А. Тишкова о том, что этническую идентичность от других форм социальной идентичности отличает « прежде всего (курсив наш - Т. С.) вера или представление об общеразделяемой культуре» (Тишков, 1997 С. 63) На самом деле «представление об общеразделяемой культуре» свойственно и многим другим группам, вплоть до организаций (Липатов, 1999) Отличие этнической идентичности от других составных частей социальной идентичности следует искать не в отдельных особенностях, а в их структурных соотношениях у представителей того или иного народа в том или ином социальном контексте

Литература

- 1 Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений Автореф. дис. психол. наук. М., 1989
- 2 Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990
- 3 Агеев В.С. Интегративные процессы в межгрупповом взаимодействии / В.С. Агеев, А.А. Сыроедеева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1987. № 2. С. 11-20
- 4 Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. М.: Аспект Пресс, 2000
- 5 Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995
- 6 Джемс У. Психология / У. Джемс. М.: Педагогика, 1991
- 7 Кле М. Психология подростка (Психосексуальное развитие) / М. Кле. М.: Педагогика, 1991
- 8 Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - №3. С. 48-58
- 9 Липатов С.А. Социально-психологическая диагностика организационной культуры Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1999
- 10 Московичи С. Век толпы. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996
- 11 Павленко В.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе / В.Н. Павленко, Н.Н. Корж // Психологический журнал. 1998. Т. 19. - №1. - С. 75-88
- 12 Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. - М.: Смысл, 1998

- 13 Тернер Дж. Социальная идентичность самокатегоризация и группа / Дж Тернер, П. Оукс, С. Хэслем, В. Дэвид//Иностранная психология 1994 Т2 - № 2(4) С.8- 17
- 14 Тишков В. А. О феномене этничности // В. А. Тишков Очерки теории и политики этничности в России М. ИЭА РАН, 1997 б С. 46 -76
- 15 Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд «Я» и «Оно» Труды разных лет . Тбилиси:Мерани, 1991 Кн .1. -С. 71- 138
- 16 Фромм Э . Бегство от свободы / Э. Фромм // Догмат о Христе М. Олимп Изд -во «Аст ЛГД», 1998 С. 176- 414
- 17 Чешко С.В. Человек и этничность / С. В. Чешко //Этнографическое обозрение 1994 № 6 С.35 -49
- 18 Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон СПб Ленато АСТ Фонд «Университетская книга», 1996 а
- 19 Эриксон Э. Идентичность юность и кризис / Э. Эриксон .- М.: Издательская группа «Прогресс», 1996 б
- 20 Ядов В. А. Социально психологические механизмы формирования социальной идентичности личности //Социальная идентификация личности / Под ред В. А. Ядова М. Институт социологии РАН, 1993 С. 7- 23
- 21 Ядов В. А. Социальные и социально психологические механизмы формирования социальной иаентичности личности / В. А. Ядов // Мир России 1995 Том 4.- №№ 3-4 С. 158 -182
- 22 Abrams D. Processes of Social Identification / Social Psychology of Identity and the Self Concept // Ed by G M Breakwell London Surrey University Press 1992.- P. 57- 99
- 23 Blanz M. Responding to Negative Social Identity a Taxonomy of Identity Management Strategies / M Blanz A Mummendey, R Mielke, A Klink// European J of Social Psychology.- 1998 .- Vol. 28. P. 697-729
- 24 Brown R. J. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes / R. J. Brown, S. Hinkle, P.G. Ely, L. Fox-Cardamone, P. Maras, L. A. Taylor//British J of Social Psychology 1992 Vol. 318 P. 327 -342
- 25 Deaux K . Parameters of Social Identity / K. Deaux, A. Reid, K. Mizrahi, K. A. Ethier // J. of Personality and Social Psychology 1995 Vol. 68 P. 280 -291
- 26 Deschamps J. C . Identite sociale et differenciation categorielle / J.- C. Deschamps // Cahiers de Psychologic Cognitive 1984 Vol 4 P 449 474
- 27 Deschamps J.C. Regarding the Relationship between Social Identity and Personal Identity // Social Identity International Perspectives / J.- C. Deschamps, T. Devos Ed by S Worchel et al .- London etc .: Sage,1998.- P.I-12

28. De Vos G. *Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // Ethnic Identity: Cultural Continuity and Change / Ed. by G. de Vos, K. Romanucci-Ross. Palo Alto (Cal.): Mayfield, 1975. - P.1-25.*

29. Luhtanen R. *Collective Self-Esteem Scale: Self-Evaluation of One's Social Identity / R. Luhtanen, J.A. Crocker // Personality and Social Psychology Bulletin. - 1992. - Vol.18. - P.302-318.*

30. Markus H.R. *Self-Schemata and Processing Information About Self / H.R Markus // J. of Personality and Social Psychology. - 1977. - Vol.35. - P.63-78.*

31. Massonat J. *Identite personnelle et identite sociale / J. Massonat, A. Boukarroum. La construction sociale de la personne // Sous la dir. de J.-L. Beauvois et al. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1999 - P. 183-200.*

32. Mlicki P.P. *Being Different or Being Better? National Stereotypes and Identifications of Polish and Dutch Students / P.P. Mlicki, N. Ellemers // European J. of Social Psychology. - 1996. - Vol.26. - P.97-114.*

33. Reid A. *Relationship between social and personal identity: Segregation or integration / A. Reid, K. Deaux // J. of Personality and Social Psychology. - 1996. - Vol.71. - P. - 1084-1091.*

34. Serino C. *The Personal-Social Interplay: Social-Cognitive Prospects on Identity and Self-Others Comparison / C. Serino. Social Identity: International Perspectives // Ed. by S. Worchel et al. London etc.: Sage, 1998. - P.24-43.*

35. Sherif M. *Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology / M. Sherif. - London: Routledge & Kegan Paul, 1966.*

36. *Social Psychology in Europe: Abstracts Book. XII General Meeting of European Association of Experimental Social Psychology. - Oxford, 1999*

37. Swann W.B. Jr. *To Be Adored or to Be Known. The Interplay of Self-Enhancement and Self-Verification / W.B. Swann // Handbook of Motivation and Cognition: Foundations of Social Behavior / Ed. by E.T. Higgins, R.M. Sorrentino. - New York: Guilford Press, 1990. - Vol.2. - P.408-448.*

38. Tajfel H. (ed.) *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. / H. Tajfel - London: Academic Press, 1978.*

39. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology. / H. Tajfel - Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*

40. Tajfel H. *The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. - Chicago: Nelson-Hall, - 1986. - P.7-24.*

41. Trafimow D. *Some Tests of the Distinction between the Private Self and the Collective Self / D. Trafimow, H.C. Triandis, S.G Goto // J. of Personality and Social Psychology. - 1991. - Vol.60. - P.649-655.*

42 Turner J.C. Social Categorization and the Self-Concept. A Social Cognitive Theory of Group Behaviour / J.C. Turner // *Advances in Group Processes*. Ed. by E.J. Lawler. - Greenwich (CT): JAI Press, 1985. - Vol.2 - P.77-122.

43. Turner J.C, Rediscovering the social group. A self-categorization theory. / J.C. Turner, M.A. Hogg, P.J. Oakes, S.D. Reicher, M.S. Wetherell. - Oxford: Basil Blackwell, 1987.

44. Turner J.C. Social Identity, Personality and the Self-Concept: A Self-Categorization Perspective / J.C. Turner, R.S. Onorato // *The Psychology of the Social Self*. Ed. by T.R. Tyler, R. Kramer, O. John. - Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1999. - P. I 1-46.

45. Vala J Mapping European Social Psychology: Co-Word Analysis of the Communications at the 10th General Meeting of the EAESP / J. Vala, M.L. Lima, A. Caetano // *European J. of Social Psychology*. - 1996. - Vol.26. - P.845-850.

46. Verkuyten M. Self-Categorisation and Emotional Reactions to Ethnic Minorities / M. Verkuyten, M. Drabbles, K. van den Nieuwenhuijzen // *European J. of Social Psychology*. - 1999. - Vol.29. - P.605-619.

47. Zavalloni M Ego-ecology The Study of the Interaction between Social and Personal Identities / M Zavalloni // *Identity: Personal and Socio-Cultural: A Symposium*. Ed. by A. Jacobson-Widding. Stockholm: Almqvist & Wicksell International, 1983. - P.205 -231.

Примечания

¹ Интересно, что Э. Эриксон разъясняет понятие «идентичность» именно на основе основополагающих заявлений этих двух «бородатых патриархов», при этом взяв их не из теоретических работ, а из конкретных посланий: письма Джемса к жене и обращения Фрейда к членам общества Бнай Брит (*Эриксон, 1996 б*).

² Сходная дискуссия о соотношении социальной и личностной идентичности — при исследовании их когнитивной организации — развернулась и в американской психологии между сторонниками двух моделей структуры идентичности: сегрегационной модели, предполагающей, что социальные и личностные идентичности — две различные категории и их атрибуты сохраняются в памяти независимо друг от друга (*Trafimow et al. 1991*), и интегративной модели, согласно которой социальные аспекты и личностные атрибуты идентичности часто сосуществуют в одних и тех же когнитивных структурах (*Reid, Deaux, 1996*).